

Алексей А. Гиппиус (Москва)

ДРЕВНЕРУССКИЕ НАРЕЧИЯ НА БАЗЕ КОМПАРАТИВА

В Синодальном списке I Новгородской летописи, в части, написанной почерком XIII века, под 1157 г. читается среди прочего следующее краткое известие: на то (вместо тоу) же осень зѣло страшно вьсть: громъ и мѣлния, градъ же яко явльковъ воле (л. 30, цитируется по изданию НПЛ, с. 30). В этом, казалось бы, совершенно ясном сообщении останавливает на себе внимание выделенная издателями словоформа явльковъ. Она явно указывает на мужской род, между тем как в старых текстах данное слово устойчиво оформляется по среднему грамматическому роду, к которому этимологически принадлежит и до сих пор относится в подавляющем большинстве славянских языков и диалектов. Для Синодального списка морфологическая необычность данной словоформы заключается еще и в следующем: в рукописи, в целом довольно точно отражающей хронологию распространения морфологических инноваций, она более чем на полвека опережает все другие ранние примеры появления флексии Р.мн. -овъ у неодносложных *ѡ-основ. Настораживает также употребление формы множественного числа: носитель русского языка скажет: "град с куриное яйцо", но никак не "град с куриные яйца". Наконец, неоправданной представляется здесь и форма компаратива, кажущаяся излишней в сравнении, и без того носящем, по-видимому, несколько гиперболизированный характер. Ср. приводимый Срезневским (III, с. 1632) "нормальный" вариант того же сравнения из

псковских летописей: градъ великъ съ яблоко съ садовое.

Аналогичный пример, вызывающий те же недоумения и сомнения, встречаем в издании древнерусского перевода "Истории Иудейской войны" Иосифа Флавия: въ ямы во дни ямы копающе локтевь глѣблен, тѣ проходѣ дѣють (Мещерский, с. 255). Необычность формы локтевь и особенно неуместность множественного числа в сочетании "глубже локтей" заставляют и здесь искать какое-то иное решение.

Это решение заключается в ином словоделении текста. Все противоречия снимаются, если рассматривать компонент въ как относящийся не к предыдущему, но к последующему слову. В обоих памятниках выступают в действительности не сочетания компаратива с формой родительного падежа множественного числа, но словоформы въволе и въглѣбле, представляющие собой наречия, построенные по модели въ + компаратив и означающие соответственно "величиной, размером" и "глубиной, на глубину". Рассмотренные фразы должны, таким образом, читаться: градъ яко яблоко въволе (град величиной с яблоко) и ямы копающе локте въглѣбле и тѣ проходѣ дѣють (выкапывают ямы глубиной в локоть и делают там проход).

Одинаковые ошибки в словоделении, допущенные такими квалифицированными филологами и знатоками древних текстов, как А.Н. Насонов и Н.А. Мещерский, заслуживают пристального внимания. Такого рода ошибки как правило сигнализируют о наличии "повышенного напряжения" в соответствующих звеньях древнерусской языковой системы, нередко характеризующихся особой лингвистической выразительностью и в силу своей архаичной специфики еще не до конца понятых. Действительно, обращение к историческим словарям русского языка за подтверждением предложенных чтений показывает, что мы имеем дело с особой группой наречий, в принципе известной, но еще в явно недостаточной степени осмысленной русской исторической лексикографией и лексикологией. Это проявляется как на формальном уровне - в отсутствии единства в оформлении заглавных слов, так и на содержательном - в определении значений. Картина представленности данного круга лексики в трех исторических словарях русского языка может быть обобщена в виде

следующей таблицы:

Срезневский	Слов. XI-XIV вв.	Слов. XI-XVII вв.
въволаѣ "более"	-	вволаѣ "более"
въшире -	-	вширѣ "в ширину"
въдѣлаѣ "ВДОЛЬ, В ДЛИНУ"	въдѣлаже "ВДОЛЬ"	вдлаѣ "ВДОЛЬ, вдолаѣ В ДЛИНУ" вдолаже
въздолаѣ "ПОДЛЕ"	въздолаѣ "ВОЗЛЕ, ПОДЛЕ"	въздолаѣ "ПОДЛЕ"
въдалѣ "ДАЛЬШЕ"	въдале "ДАЛЬШЕ, въдалеѣ ДАЛЕКО, въдалѣѣ ВДАЛИ, на расстоянии, в отдалении"	въдалѣ "далеко, вдали, дальше"
въздадалѣ "далеко"	въздадалѣ "далеко"	-
възвыше "В ВЫШИНУ"	възвыше "В ВЫСОТУ, ВЫСОТОЮ"	възвыше "ВЫСОТОЮ, В ВЫШИНУ, ВЫШЕ Ч-Л"
въглубаѣѣи "ГЛУБЖЕ"	-	-
въглубаѣ "ГЛУБИНОЮ"	-	-
вътълацѣѣи -	-	-
вътнѣѣ "толще" (1)	-	-

Как видно из таблицы, за исключением наречия възвыше, одинаково оформленного во всех трех словарях, способы

лексикографической подачи рассматриваемых наречий (назовем их наречиями типа *въволе*) варьируются в довольно широких пределах. Обращает на себя внимание тот факт, что из четырех возможных вариантов конечного элемента (-е, -ѣ, -ѣе, -ѣи) вариантам с -ѣ явно отдается предпочтение. Нередко это происходит и тогда, когда в цитируемых примерах выступает конечное -е (см., в частности, статью *въглубѣи* у Срезневского, статью *вдоле* в Слов. XI-XVII вв. и *въдалѣ* в Слов. XI-XIV вв.). Между тем есть все основания утверждать, что исходной и основной для всех наречий данной группы является форма на -е, т.е. имеющая в своем составе компаратив в его древнейшем виде. Именно ее мы находим в наиболее древних рукописях, в частности, в уже рассмотренном примере из Новгородской летописи. Формально унифицированный ряд наречий типа *въволе* должен был бы принять в словарях вид: *въволе*, *въшире*, *въдѣле*, *въздѣле*, *въдале*, *въздале*, *възвыше*, *въглубле*, *вътълще*, *вътъне*.

Переходим к семантическому аспекту проблемы. Как явствует из таблицы, для наречий типа *въволе* словари отмечают значения трех типов: 1) значения пространственных измерений ("в ширину", "в длину", "в высоту"); 2) локативные значения ("возле, подле", "далеко", "вдали" и 3) компаративные значения ("больше", "выше", "глубже" и т.д.).

Первый из трех названных типов является абсолютно бесспорным и, как мы увидим в дальнейшем - основным. В качестве иллюстрации приведем пока лишь один, однако исключительно выразительный пример из "Хождения игумена Даниила", текста, изобилующего всевозможными сведениями об измерениях, производившихся его автором в Палестине, и представляющим в силу этого прекрасное поле для наблюдения интересующих нас наречий: *Всѣм же есть подобенъ Иордан к рѣцѣ Сновьстѣи - и ширѣ и вглубле, и лукаво течеть и быстро велми, яко же Сновь рѣка. Вглубле же есть 4 сажень среди самое купели, яко же измерих и искүсих сам собою, иво превродих на ону страну Иордана; вширѣ же есть Иорданъ яко же Сновь на үстье* (П.Л.ДР, с. 52).

В определенной коррекции нуждаются локативные значения, указываемые словарями для *въдале*, *въздале* и *въздѣле*. В Словаре XI-XVII вв. значение "вдали, далеко" приписывается *въдале* на основании примера из "Хождения игумена Даниила": и

есть пещерка та вдалѣ отъ Преображения яко дострѣлити доврѣ. Здесь, однако, наречие употреблено со значением первого типа "на расстоянии ..." (перевод: "Пещерка отстоит от Преображения на расстояние хорошего перестрела"). В тех же случаях, когда въдале и въздале действительно имеют локативные значения, они всегда указывают на направление движения, но не на место нахождения объекта. См. следующие примеры из Слов. XI-XIV вв.: и бы(с) ѣха въ зажитѣ единою въздале ш(т) города (Ипатьевская летопись, 1290 г.; кгда въдале ш(т)стѹпаеть ш(т) нихъ сѣнце, престѹпаа въ сѣверныа части (Палея 1406 г.). Данное значение может быть более точно передано как "прочь", чтобы избежать двусмысленности "далеко", способного выступать в обеих функциях (ср. "поехал далеко" и "живет далеко"). Что же касается значений "вдали, в отдалении", то они вообще должны быть исключены из списка, как несвойственные рассматриваемым наречиям.

Сходное уточнение должно быть сделано и для въздѣле, представленного в Слов. XI-XIV вв. единственным примером из Лаврентьевской летописи (945 г.): вѣ во тогда вода текѹщи въздѣль горы Киевьскиа. Словарь указывает значение "возле, подле", однако, поскольку и здесь речь идет о направленном движении, более уместным представляется значение "вдоль".

Собственно компаративное значение не всегда отделяется словарями от значений пространственных измерений. Так, Слов. XI-XVII вв. в статье возвыше указывает через запятую значения "высотой", "в вышину", "выше ч-л". Очевидно, однако, что "высотой" и "в вышину" это совсем не то же, что "выше ч-л". Разграничение этих значений предполагается самой сутью компаратива как грамматической категории, что заставляет с настороженностью отнестись к допускаемой историческими словарями русского языка их нейтрализации в кругу рассматриваемых наречий. Остановимся поэтому подробнее на примерах, в которых наречиям типа въволе приписываются значения типа "больше".

Именно так поступают авторы Слов. XI-XVII вв., переводя вволѣ как "более" в следующем примере из все того же "Хождения игумена Даниила": На стѣнѣ написано есть мѹсиену Христось на крестѣ распять, хитро и дивно, ... прѣмѣ яко живѣ, и вволѣ (вар. вширѣ) и возвыше, яко же былѣ тогда. Из приведенного контекста совершенно очевидно, однако,

что речь идет об изображении Христа, выполненном в натуральную величину. Въволе имеет здесь, следовательно, то же значение "размером, величиной", что и в нашем примере из Новгородской летописи, причем выступающее с исключительной наглядностью.

Анализ других примеров показывает, что контексты, из которых бы столь же бесспорно вытекало компаративное значение, среди них вообще отсутствуют. В подавляющем большинстве случаев приходится иметь дело с нейтральными контекстами, в которых в принципе допустимы оба типа значений: "больше" и "величиной", "шире" и "шириной", "глубже" и "глубиной" и т. д. Так, значения сравнительной степени усматриваются в следующих примерах:

- "более": на верху теремца стоить Христоръ сдѣланъ серебрянъ яко мужа вволе ... ("Хождение ...", Срезневский);

- "дальше": вифанія отъ града Іерусалима вдалѣ двѣ верстѣ ("Хождение" ..., Срезневский); вземше ѱ нихъ вѣсть оже половци днища вдалѣ лежать (Ипатьевская летопись, 6701 г., Срезневский, Слов. XI-XIV вв.); и ту воротиша(с) вдалѣ .ѣт. верстѣ отъ града (там же, 1167 г., Слов. XI-XIV вв.); тамо бѣше весь недалече отстоящи отъ тоя пѣстыни вдалѣ шести поприць (Пролог, 30 сентября, Срезневский);

- "толще" (вместо "тоньше"? - А.Г.): совѣи ми .ѣ. ѝжа пѣско(м) .т. лако(т) вдоле(ж) а вѣтнѣе перста (Повесть об Акире, Срезневский).

Восприятию наречий типа въволе как имеющих то же значение, что и входящий в их состав компаратив, способствует, очевидно, сохранение ими в значительной части примеров "компаративного" управления родительным падежом. Такое управление, однако, имеет место и в ряде примеров, в которых выступают бесспорные значения пространственных измерений. Особенно показателен в этом отношении уже рассмотренный пример из "Истории Иудейской войны", где подлинное значение может быть установлено по оригиналу, в котором в соответствии с ямы копающе локте вѣглате ⁵⁷⁶¹ читается βόθρον ὀρύσσοντες βάθος ποδῶλον (Низе, с. 182; ср. в современном русском переводе "выкапывают ямы глубиной в фут"). Иллюстрируемая таким образом возможность дает ключ к интерпретации

нейтральных контекстов, заставляя и в них видеть все то же основное значение рассматриваемых наречий и, таким образом, переводить мъжа вволе как "в человеческий рост", вдалѣ двѣ версту как "на расстоянии двух верст", днища вдалѣе как "на расстоянии дневного перехода", вѣтнѣ перста как "в палец толщиной" и т.д.

Можно утверждать, следовательно, что древнерусским наречиям типа вволе значение компаратива, часто приписываемое им словарями, вообще не было свойственно (2). Боле и вволе, шире и вшире, тълце и вѣтълце были семантически строго противопоставлены. Особенно наглядно это противопоставление проявляется в тех случаях, когда компаратив и образованное от него наречие встречаются в пределах одного контекста, что мы наблюдаем в следующем примере из "Истории Иудейской войны": "Иосиф же, видя, съвокупни дѣлателе, да быша в ы ш е вѣздѣлали стѣны. [...] И тако дѣлающе, за ночь и за днь въздаша 20 лакот в ѣ з в ы ш е стѣны" (Мещерский, с. 301) (перевод последней фразы: "и так, работая день и ночь, надстроили стены до высоты двадцати локтей").

Уточнив таким образом круг значений рассматриваемых наречий, нельзя не заметить его совпадения с набором значений адвербиальных предложно-падежных образований "в высоту", "в длину" и им подобных. В обоих случаях имеет место сочетание значений пространственных измерений и - в части случаев - направления движения. В древнерусских текстах две эти группы слов выступают как синонимы, свободно варьируясь в одних и тех же контекстах. См., например, описание храма в "Истории Иудейской войны": Камене же, им же создано бысть, быша по полупятдесят лакотъ вѣ долготѣ, а възвыше по 5, а в шире по 6. Пред тою же бысть жрътвенникъ высотой 15 лакот и в долготѣ тако же (Мещерский, с. 371). Ср. обратное соотношение в примере из "Киево-Печерского патерика": размѣривъ попасомъ тѣмъ златы(м) .к. вширѣ а .л. вдолже. в высоту стѣны .л. с верхомъ (Слов. XI-XIV, т. II, с. 254).

Синонимичность двух типов образований проливает свет на семантическую мотивированность и морфологический статус компаратива в наречиях типа вволе. Есть все основания предполагать, что указанная смысловая эквивалентность основывается на структурном параллелизме двух групп наречий. Действительно, ничто не мешает трактовать

компаратив в составе интересующих нас образований не как застывшую, неизменяемую форму, но как форму винительного падежа единственного числа среднего рода, употребленную субстантивированно. Наиболее общим значением модели въ + Асс., по которой построены оба типа образований, было, как можно думать, указание на направление движения, в частности - движения измеряющего взгляда или инструмента, откуда и сочетание двух значений. Общее понятие высоты возникает в отвлечении от конкретных высоких объектов, которые потому и воспринимаются как таковые, что являются "более высокими", чем другие. "В высоту" означает, таким образом, не что иное, как "в направлении, в сторону чего-то более высокого", "в глубину" - "в направлении более глубокого" и т.д.

(3). Трудно поэтому согласится с Н.В. Чурмаевой, которая, указывая на предложно-падежные формы "в длину", "в высоту" как на смысловые эквиваленты наречий *вдольже*, *възвыше*, относительно последних замечает: "Ничем не мотивирована в этом случае форма сравнительной степени" (Чурмаева, с. 130). Мотивированность компаратива в рассматриваемых образованиях представляется бесспорной, однако она неотделима от его морфологической трактовки как формы винительного падежа и вне ее не может быть адекватно воспринята.

Правомерность такой трактовки косвенно подтверждается следующим примером из берестяной грамоты № 2 из Звенигорода Галицкого (конец XI-начало XII в.). Ее автор, женщина, обращаясь к должнику с требованием возвращения долга, угрожает ему: *оли не водаси то а оу коназз поема отроко прижь приедю а во воле ти вонидь*. Заключительная часть фразы означает "и дороже (буквально: в большую сумму) тебе обойдется". *Во воле* здесь не наречие, а свободное сочетание, однако демонстрирующее то же сочетание предлога с accusativом, в котором роль субстантивного компонента выполняет компаратив. Еще более показателен встретившийся в Синодальном списке I Новгородской летописи пример, иллюстрирующий возможность субстантивированного употребления компаратива в дательном падеже: *коуплахомъ по гривнѣ хлѣвъ и по волюю* (л. 114, 1230 г.) (4).

Рассмотренные в данной статье наречия типа въволе были широко распространены в древнерусском языке в древнейшую письменную эпоху. Показательно, что все известные нам примеры находятся в текстах, оригиналы которых были созданы не позднее XIII в. (Хождение игумена Даниила, Киево-Печерский патерик, летописи XI-XIII вв., из переводных текстов - История Иудейской войны, Хроника Георгия Амартола, Сказание об Акире, Пролог, Палея). Последний по времени пример - възде из Ипатьевской летописи (1290 г.). В дальнейшем в истории русского языка данный тип наречий был утрачен, однако не бесследно (5). Есть основания полагать, что, перестав существовать в своем исходном виде, он дал начало новой группе наречий, благополучно дожившей до настоящего времени. В этом отношении чрезвычайно интересна фиксируемая Слов. XI-XIV и Слов. XI-XVII вв. форма вдолже из грамоты 1400 г. (южнорусской), которая может быть однозначно трактована как результат отпадения конечного гласного у вдолже, ставшего естественным следствием забвения внутренней формы наречия, утраты живой словообразовательной связи с компаративом. Форма "вдолжь", отсутствующая в современном русском языке, имеется, однако, в украинском ("удовж"). См., например, выразительный пример, приводимый Гринченко (IV, 320): "який вдож - такий втовш", где "вдовж" и "втовш" несомненно восходят к вдолже и втолще. Аналогичным образом прямым продолжением древнерусских форм въдъле, въшире, въдале могут считаться современные русские наречия "вдоль", "вширь", "вдаль", традиционно объясняемые как сочетания предлога с существительными "доль", "ширь", "даль". Как соотносить друг с другом эти два объяснения? Существовали ли в действительности в праславянском слова *dъlь, *širь, *dalь, или же они имеют сравнительно позднее происхождение? Рассмотрение этих вопросов, а также некоторых других этимологических следствий, вытекающих из проведенного анализа, должно стать предметом специальной статьи.

Примечания

1) Формы *въздълѣ* и *вътъне* реальными примерами не засвидетельствованы. Первая реконструируется на основании единственного примера *въздолѣ* из Лаврентьевской летописи (945 г.). Тот факт, что в данной рукописи *ѣ* и *е* не смешиваются, не является препятствием для такой реконструкции, так как формы на *-ѣ* типа *ширѣ* объясняются не фонетически, а морфологически - как результат контаминации старых форм на *-е* и новых на *-ѣе*. Реконструкция формы *вътъне* (при наличии *вътъне* в единственном примере) основывается на принадлежности данного прилагательного тому же акцентному типу, к которому относятся все другие прилагательные этой группы.

2) Единственный пример с чисто компаратвным значением обнаруживается в Софийской II летописи под 1536 г.: *подкопашася ко граду с полпоприща или мало вдалѣе* (Слов. XI-XVII вв., статья *вдалѣ*). Это исключение, однако, лишь подтверждает общее правило, поскольку относится к эпохе, уже не знавшей, по-видимому, наречий типа *въволе* в живом употреблении (см. ниже).

3) В контексте данного рассуждения становится понятной словообразовательная структура слов "вышина" и "толщина". В словообразовательном словаре русского языка оба слова рассматриваются как произведение непосредственно от "высокий" и "толстый" (Тихонов, I, с. 202; II, с. 238). Необъясненным в таком случае остается чередование "с/ш", "ст/щ" (ср. его отсутствие, например, в болгарском: "висина", "тлъстина"). Едва ли это чередование следует связывать с происхождением данных слов от существительных "вышь" и "толщъ", как это делают (по крайней мере, в первом случае) авторы Этимологического словаря русского языка, издаваемого МГУ (ЭСРЯ, т. I, вып. 3, с. 239). Логичнее предположить, что оба слова образованы от основы компаратива: "вышина" от "выше", "толщина" от "толще". Своеобразным подтверждением актуальности этой словообразовательной связи являются хорошо известные окказионализмы из детской песенки про каравай: "Вот такой вышины, вот такой нижины; вот такой ширины, вот такой ужины".

(4) Последний пример интересен также и в следующем отношении. Еще до его обнаружения А.А. Зализняк при обсуждении настоящей работы заметил, что внутренняя форма наречий типа въволе позволяет объяснить и происхождение регулярных в современном русском языке сочетаний "по" с формами сравнительной степени ("побольше", "поменьше"), в которых компаратив также может быть трактован как форма винительного падежа. Действительно, следы такого происхождения этих образований до сих пор могут ощущаться в некоторых контекстах. См., например: "по пояс и поглубже" (о глубине реки). Пример по гривнѣ и по волю из Новгородской летописи является важным аргументом в пользу такой интерпретации.

(5) Свидетельством утраты типа въволе являются частые в списках XV-XVI вв. замены наречий данной группы формами компаратива, обусловленные неверным пониманием переписчиками значения архаичных образований. Так, писцы младшего извода I Новгородской летописи, работавшие в XV веке, заменяют чтение яко яблоко въволе, послужившее отправным пунктом для настоящей статьи, на яблока волюши (НПЛ, с. 217). В списках "Истории Иудейской войны" первоначальные чтения въглубле и възвыше уступают место глѣбле и выше (Мещерский, сс. 255, 301).

Литература

Гринченко Б.Д. (1907-1909), Словарь украинского языка, Киев, тт. I-IV.

Мещерский Н.А. (1958), История Иудейской войны, Москва-Ленинград.

Низе Б. (1884), Flavii Josephi Opera edidit et apparatus critico instruxit Benedictus Niese. Volumen VI. De bello Judaico, Berolini.

НПЛ (1950), Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А.Н. Насонова, Москва-Ленинград.

ПЛДР (1980), Памятники литературы Древней Руси. XII век, Москва.

Слов. XI-XIV вв. (1988-), Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.), Москва.

Слов. XI-XVII вв. (1975-), Словарь русского языка XI-XVII вв., Москва.

Срезневский И.И. (1893-1903), Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, Санкт-Петербург.

Тихонов А.Н. (1985), Словообразовательный словарь русского языка, тт. 1-2, Москва.

Чурмаева Н.В. (1987), История наречий в русском языке, Москва.

ЭСРЯ (1968-), Этимологический словарь русского языка, Москва.